

УДК 821.161.1

СТЕРНИАНСКИЕ ТРАДИЦИИ В РОМАНЕ-ХРОНИКЕ «СОБОРЯНЕ»

Н.С. ЛЕСКОВА («ИГРА СЛОВОМ»)

© 2012 И.В. Овчинникова

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 1 октября 2012 года

Аннотация: В этой статье представлены примеры модификации стернианского стиля русским классиком Н.С. Лесковым с определенными художественными целями и продемонстрирован сам механизм пародийного использования эстетических принципов Л.Стерна с целью создания уникальной авторской манеры. Остроумнейшая игра с поэтикой Стерна не имеет ничего общего с подражанием, так как исполнена глубочайшего ментального смысла.

Ключевые слова: традиции, стиль, поэтика, игра слов, пародии, стилевые новации, рапсодический принцип.

Annotation: This article represents the examples of updating Sterne's style by the Russian classic N. Leskov with the definite art purposes and shows the comical usage mechanism of Sterne's esthetic principles for the purpose of creation the unique author's manner. The wittiest game with Sterne's poetics has nothing in common with the imitation in Leskov's works as it is carried out the deepest mental sense.

Key words: traditions, style, poetics, word game, parodies, style innovations, rhapsodical principle.

Н.С. Лесков неоднократно ссылается на одного из оригинальнейших английских писателей XVIII века Лоренса Стерна, в частности, в «Демикотоновой книге протопопа Туберозова» его герой, русский провинциальный священник, упоминает о первом романе писателя «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена»: «...Припоминаю невольно давно читанную мною старую книжечку английского писателя, остроумнейшего пастора Стерна, <...>, и заключаю, что по окончании у нас сего патентованного нигилизма ныне начинается шандиизм, ибо и то и другое не есть учение, а есть особое умственное состояние, которое, по Стернову определению, «растворяет сердце и легкие и вертит очень быстро многосложное колесо жизни». И что меня еще более убеждает в том, что Русь вступила в фазу шандиизма, так это то, что сей Шанди говорил: «Если бы мне, как Санхе-Пансе, дали выбирать для себя государство, то я выбрал бы себе не коммерческое и не богатое, а такое, в котором бы непрестанно как в шутку, так и всерьез смеялись». Ей-право опасуюсь; не нас ли, убогеньких, разумел сей шутоватый Панса, ибо все это как раз к нам подходящее, и не богаты и не тороваты, а уж куда как гораздо смешливы!» [1, 40]

Для самого Лескова именно «капризная» манера Стерна, соединявшая патетику с шутовством и буффонадой, воплощающая жизненные

парадоксы в «игре слов» и в двусмысленностях словоупотребления, была особенно ценной. Роман-хроника «Соборяне» является своеобразной пародией на оба стернианских романа. В частности, Лескова не мог не заинтересовать их ономастикон. Фамилия героя Шенди на йоркширском диалекте означает «человек со странностями» (русский эквивалент «без царя в голове»), а поскольку речь идет обо всем семействе, которому принадлежит Тристрам, то персонажи Стерна выглядят сборищем чудаков, где каждый имеет свои причуды и маниакальные идеи, определяющие его жизненное поведение и «мнения».

В «Соборянах» подобными чудаками являются старгородские обыватели и представители местной поповки. Это, прежде всего, богатырь-дьякон с душой наивного ребенка, детолюбивый Захария Бенефактов, капитан Повердовня, учитель Препотенский и другие. Их чудачества проявляются в поступках, но более всего в их речевом поведении, и в этом последнем случае у Лескова можно обнаружить отчетливое влияние стернианской поэтики.

«Рапсодический» стиль Стерна, как его именует герой-повествователь (Тристрам Шенди) в начале XIII главы первого тома, представляет собой тот самый «фламандской школы пестрый сор», о котором упоминает А.С. Пушкин, характеризуя собственные «поэтические бредни» в «Евгении Онегине» (кстати, А.С. Пушкин тоже был благодарным читателем Стерна, обратившим

внимание в одном из писем на необычайную наблюдательность английского писателя). Имя Евгений встречается и в «Тристраме Шенди», и в «Сентиментальном путешествии»: прототипом этого персонажа был приятель Стерна Холл Стивенсон, человек эксцентричный, любивший бросать вызов английской чопорности и лицемерию [2, 785] и в этом качестве похожий на пушкинского Онегина, появившегося столетие спустя.

Научный комментатор к произведениям Стерна и глубокий знаток английской литературы Адриан Антонович Франковский дает возможность воочию убедиться в виртуозном использовании Стерном богатств национального языка. В частности, в эпиграфе к четвертому тому из «Повести Слокенбергия» Иоанна Солсберийского (английского философа, политического деятеля и поэта), перевод на латинский сделан Стерном с английского текста, и «латинский текст» автора романа значительно отличается от оригинального. Эти «разночтения» предусмотрены самим Стерном: снимая двусмысленность латинского оригинала, тот достигает усиления комического эффекта при его сличении с авторским «эквивалентом» [2, 794].

В комментариях А.А. Франковского специально отмечены случаи неперевода игры слов. Так, в пожелании Тристрама, «...чтобы каждый подражатель в Великобритании, Франции и Ирландии покрывлся коростой (здесь и далее курсив наш. — И.О.) за свои труды — и чтобы в этих странах были хорошие дома коростовых, достаточно просторные, чтобы вместить — ну да и очистить всех их гуртом, косматых и стриженных, мужчин и женщин...», слово ‘farcy’ («короста» по-английски) сопрягается с лексемой ‘farcical’, означающей и «коростовой», и «фарсовый, шутовской» [2, 797].

В главе XVI шестого тома, рассказывая о спорах родителей по поводу решения отца одеть Тристрама в штаны и употребляя выражение ‘lits de justice’ (то есть торжественное заседание парижского парламента под председательством короля, где ‘lit’ означает «трон»), Стерн переводит его буквально: «...с разбором всех «за» и «против», на двух особых lits de justice, которые отец держал специально с этой целью. Природу этих постелей правосудия я разъясню в следующей главе; а в главе восемнадцатой вы пройдете со мною, мадам, за занавеску, только для того, чтобы послушать, каким образом отец с матерью обсуждали между собой вопрос о моих штанах, — отсюда вы без труда составите себе представление, как они обсуждали все вопросы меньшей важности» [2, 403].

«Загадочный» и «спорный» смысл Стерн придает вполне определенному латинскому

именованию широкой пурпурной полосы на тунике сенаторов — *latus clavus*: «А что это такое *latus clavus*? — спросил отец. Рубений ему сказал, что по этому поводу между учеными до сих пор идет спор. — — — Что Эгнаций, Сигоний, Боссий Тичинский, Баифий, Будей, Салмасий, Липсий, Лаций, Исаак Казабон и Иосиф Скалигер все расходятся между собой — и сам он расходится с ними. — Что великий Баифий в своем «Гардеробе древних», глава XII, — честно признается, что не знает, что это такое — шов — запонка — — пуговица — петля — пряжка — или застежка. — — — Отец потерял лошадь, но остался в седле. — — Это крючки и петли, — сказал отец, — — и заказал мне штаны с крючками и петлями» [2, 410]. Абсурд, возникающий, что называется на пустом месте, придает приведенному диалогу неподражаемый комизм.

Главы XXXI и XXXII шестого тома целиком построены на непереводаемой двусмыслице, образуемой похожестью звучания двух разных по смыслу слов ‘ass’ (осел) и ‘arse’ (задница). Такая привычка превратного употребления слов и фраз у старшего Шенди, по замечанию повествователя, «способна была рассердить дядю Тоби» (особенно в период влюбленности последнего).

В главе XI девятого тома, комментируя способ общения матери с отцом, согласно которому она «имела обыкновение никогда не отказывать в своем одобрении и согласии, какое бы положение ни высказывал перед ней отец, просто потому, что она его не понимала или не вкладывала никакого смысла в главное слово или технический термин, на котором вращалось это мнение или положение» [2, 569], Тристрам указывает, что в этом разговоре лексема ‘кюветы’, включенная отцом в перечень фортификационных объектов («Ну ее к черту, — сказал отец, возвысив голос, — всю эту фортификацию со всеми ее сапами, минами, блиндами, габионами, фосбреями, кюветами и прочей дребеденью. — — —» [2, 569] и означающая одно из фортификационных сооружений, одновременно имела еще одно значение — женский таз [2, 808].

Эти примеры, дающие общее представление о повествовательной манере Стерна, важны для понимания лесковских стилевых новаций. Виртуозно использовавший художественные идеи Стерна и Гофмана русский «волшебник слова», в распоряжении которого был весь диапазон богатейшего национального языка, еще более усложнил «рапсодический» принцип сопряжения словесных конструкций и «далековатых идей» (О. Мандельштам). В «Соборных» субъективное обращение со словом, вызывающее комический эффект, демонстрируют вышеперечисленные персонажи.

И прежде всего дьякон Ахилла Десницын, так и не доживший до отчества, а потому такого в романе-хронике «не имеющий». Именно простодушие этого героя в обращении со словом является подспудным источником знаковой истории с подаренными первым лицам старгородской поповки тростями, которые, по словам повествователя-хроникера, «пали между старгородским духовенством как библейские змеи, которых кинули пред фараона египетские кудесники» [1, 12], о чем сам даритель, помещик Плодомасов, даже не подозревает.

В связи с возникшей ситуацией абсолютного сходства двух тростей (туберозовской и бенефактовской) в устах комментатора этого факта ключевой становится лексема 'сомнение', но парадокс в том, что сомневается не Ахилла, а те, кому посохи вручены, в виду их «сомнительной одностойности». По мнению Ахиллы, «от этой совершенной одностойности происходит смешанность», «в рассуждении политики» нестерпимая: «Помилуйте вы меня, ведь это невозможно, чтоб и отец протопоп и отец Захария были одностойны. Это же не порядок-с!» [1, 13] Более того, Ахилла абсолютно уверен, что «умница, философ, министр юстиции» этим обстоятельством «страшно смущен», и предполагает, что тот, в конце концов, обязательно «сполитикует».

Слово «политика» и производные от него повторяются в тексте первой, открывающей роман-хронику, главы восемь раз, и почти столько же — семь раз — варьируется понятие «одностойность», осложненное еще одной, трижды употребленной лексемой «логика». Семантика контекста выявляет парадокс — алогичные, «бараньи» умозаключения Ахиллы, логике обучавшегося, но, по собственному признанию, «не понявшему» ее, как выясняется, абсолютно соответствуют скрытым мотивам поездки Туберозова в консисторию и объясняют манипуляции протопоба с двумя одинаковыми тростями.

Подтверждается и одна из Ахиллиных «версий» о якобы «вытравленных» по велению протопоба «литерах греческих, а не то латинских». Надписи, сделанные резчиком посредине набалдашников и, на первый взгляд, увеличившие пресловутую «одностойность», по своей сути — те же «литеры» «вязных» «древлеславянских» букв, из которых слагаются вырезанные фразы, в совокупности действительно уничтожают пресловутую «одностойность» тростей. Ахилла совершенно справедливо считает, что туберозовская надпись: «Жезл Ааронов расцвел» никак не тождественна бенефактовской: «Даде в руку посох». Согласно ветхозаветной библейской Книге Чисел, жезл одного из праотцев, Аарона, воткнутый в землю, расцвел и покрылся почками, что было знаком

утвержденного Богом первенства его потомков среди израильтян [3, 4].

Но библейская аллюзия еще более многозначна: Бог назначил Аарона проповедником вместо Моисея, который «должен был стать «устами» и быть его пророком» [4, 7]. Наивное прямодушие Ахиллы, таким образом, побеждает спекулятивность «логики» и помогает ему проникнуть за внешние покровы якобы не имеющего «двойного дна» туберозовского следования «совету» консисторского секретаря. Сам протопоп признается в мелочности внезапно овладевших им чувств и правоте своего «любезного Ахиллеса» в «Демикотоновой книге».

В «Соборях» лесковская «игра словом» обретает разные стилевые ракурсы и выявляет различия между пустой оболочкой слов, утративших полновесность, и словом как «началом всех начал». В качестве подтверждения можно сослаться на диалог Ахиллы и Туберозова после возвращения дьякона, набравшегося в Петербурге «пустых слов»: «...Всего более в его (Ахиллы. — И.О.) рассказах удивляло отца Савелия то, что Ахилла кстати и некстати немилосердно уснащал свою речь самыми странными словами, каких он до поездки в Петербург не только не употреблял, вероятно, и не знал!» [1, 277]

«Новый лексикон» Ахиллы включает не только «по-стерниански» двусмысленные словосочетания («...ну нет, же ву пердю, это, брат, сахар дюдю»). Нетерпеливо разворачивающий перед отцом Савелием «всю сокровищницу своих столичных заимствований», Ахилла «не бережется» никаких слов, переиначивая их фонетику и лексические формы и заменяя русские понятия иностранными аналогами, ни к селу, ни к городу начиная: «Представь себе, голубчик, отец Савелий, комбынация» (причем он беспощадно напирал на *ы*), уверяя при этом собеседника, что «теперь за слово ничего — не запрещается».

«Вразумление» Ахиллы духовным отцом совершается путем разоблачения лживых, прикрывающих пустоту слов, употребляемых петербургскими «литератами». Туберозов открывает дьякону опасность развращающей, сбивающей с толку, выдающей себя за объективный факт (в огласовке Ахиллы — «хвакт») словесной «чепухи» (у Ахиллы — «ерунды»), заставляя его понять истинный смысл его «петербургской просвещенности», когда, «идя дальше от ничтожной блохи», Ахилла кончает отрицанием религии и самого Бога. Контраргументы духовного отца, смущающие, но до поры не переубеждающие Ахиллу («То есть я не отрицаю, <...> а я только говорю, что, восходя от хвакта в рассуждении, как блоха из опилок, так и вселенная могла сама собой виться».

У них бог, говорят, «кислород»... А я, прах его знает, что он есть кислород!».», подкрепляются и получают настоящую силу при обращении к Слову Божию [1, 280]. Именно в многочасовом молитвенном предстоянии престолу Всевышнего в сердце Ахиллы возрождается утраченная вера, а душу посещает благодать: «...проснувшись на другой день, ощутил, что он (Ахилла) как бы куда-то ушел из себя: как будто бы он невзначай что-то кинул и что-то другое нашел. Нашел что-то такое, что нести тяжело, но с чем и нельзя и неохота расставаться» [1, 281].

Подобно Стерну, Лесков пародирует здесь, «вырывая» из политического контекста новейших идеологических и естественнонаучных дискуссий своего времени и его «передовой» литературы их лексику, оснащая речевое поведение героя «модными» словечками и их контаминациями, выдающими полуобразованность Ахиллы, и создающими комический, смеховой эффект.

Лесков пользуется разнообразными способами выворачивания наизнанку первичных смыслов: пресловутое «лампопо», сыгравшее с героем злую шутку, является переименованной лексемой «пополам» и обозначает напиток, приготовлявшийся из пива с какими-нибудь добавлениями. «Пол-империал», на котором якобы «ездит» в Петербурге Ахилла, на самом деле «родственник» золотой монете достоинством в семь рублей пятьдесят копеек, а вовсе не место для седоков (империал), располагавшееся на крыше вагона конно-железнодорожной [1, 540].

Особый случай комического пародирования в стихах капитана Повердовни, посвященных именинам петербургской гостьи старгородской почтмейстерши – госпожи Мордоконаки, чья фамилия – комическая калька онима известного откупщика и золотопромышленника Бенардаки: присоединенное к греческому суффиксу русское просторечное существительное «морда» вносит дополнительный юмористический нюанс в образ молодой, привлекательной, роскошно одетой столичной «штучки», ставшей объектом поклонения провинциального капитана.

Разнообразные «рикошеты» стернианских приемов, наблюдаемые в «Соборянах», убеждают, что в творческом соревновании с английским классиком Н. Лесков необыкновенно изобретателен. Мощь его таланта, проявляющаяся в остроумнейшей игре с поэтикой Стерна, отрицает всякое подражание, так как на основе стерновской стилистики Н. Лесков конструирует собственную уникальную художественную систему.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Лесков Н.С. Собр. соч.: в 11 т. / Н.С. Лесков. — М. : ГИХЛ, 1957. — Т. IV.
2. Стерн Лоренс, «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии», «Письма»: СПб. : Пер. с англ. / Л.Стерн. — М. : НФ «Пушкинская библиотека», ООО Издат. АСТ, 2004.
3. Ринекер Ф., Майер Г. Библиейская энциклопедия Брокгауза / Ф. Ринекер, Г. Майер. — Слово, 2007.
4. Большой путеводитель по Библии: Пер. с нем. — М. : Республика, 1993.

*Овчинникова Инна Васильевна
Соискатель кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы
Воронежского государственного педагогического университета.*

*Преподаватель английского языка государственного бюджетного образовательного учреждения среднего специального образования «Ноябрьский колледж профессиональных и информационных технологий»
E-mail: zjenkoi@yandex.ru*

*Ovchinnikova Inna Vasilyevna
Candidate of the theory, history and technique in teaching
Russian Language and Literature chair.
Teacher of English of the Educational Department of
Yamal-Nenets Autonomous District The State Budget
Educational Institution Of Secondary Vocational
Education "The Noyabrsk College of Professional and
Information Technologies".
E-mail: zjenkoi@yandex.ru*